

Кустова Надежда Константиновна

преподаватель кафедры специальных дисциплин,
адъюнкт кафедры уголовного права
и криминологии
Краснодарского университета
МВД России

**ВИДЫ ПРИКОСНОВЕННОСТИ
К ПРЕСТУПЛЕНИЮ: ЭВОЛЮЦИЯ
ПОДХОДОВ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ
И УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ТЕОРИИ
ДОСОВЕТСКОГО ПЕРИОДА**

Аннотация:

В статье прослеживается эволюция формирования подходов к определению видов прикосновенности в российском уголовном законодательстве и уголовно-правовой доктрине досоветского периода.

Ключевые слова:

прикосновенность к преступлению, виды прикосновенности, укрывательство преступлений, недонесение о преступлении, попустительство преступлению.

Kustova Nadezhda Konstantinovna

Lecturer, Special Disciplines Department,
Postgraduate Student, Criminal Law
and Criminology Department,
Krasnodar University of the Ministry of
Internal Affairs of Russia

**FORMS OF INVOLVEMENT
IN A CRIME: EVOLUTION OF
APPROACHES IN LEGISLATION
AND CRIMINAL LAW THEORY OF
THE PRE-SOVIET PERIOD**

Summary:

The article deals with the evolution of the approaches to definition of kinds of involvement in a crime in the Russian criminal law and the criminal law doctrine of the pre-Soviet period.

Keywords:

involvement in a crime, types of involvement, concealment of crimes, failure to report a crime, condoning crime.

Эволюцию подходов к определению видов прикосновенности к преступлению, на наш взгляд, следует анализировать с Соборного уложения 1649 г., поскольку именно с него началось законодательное закрепление соответствующих положений [1, с. 44–45]. Систематическое толкование норм данного документа позволяет констатировать, что оно предусматривало два вида прикосновенности – недонесение о преступлении и укрывательство преступлений. Проиллюстрировать первое можно, например, установлениями ст. 19 главы II «О Государской чести и как его Государское здоровье оберегать», гласящей: «А будет кто сведав, или услыша на Царское Величество, в каких людех скоп и заговор, или иной какой злой умысел, а Государю и его Государевым Бояром и ближним людям про то не известит, а Государю про то будет ведомо, что он про такое дело ведал, а не известил, и сыщется про то допряма, и его за то казнити смертию безо всякия пощады» [2, с. 65–91].

Второму виду прикосновенности была посвящена, в частности, статья 20 Соборного уложения. В ней устанавливалась наказуемость укрывательства разбойников и убийц: «А будет кто таких людей учнет укрывать и у себя держать, а к воеводам и к приказным людям и к губным старостам не отведет, а инои на него то доведет, и на нем за то взять пени десять рублей, что бы на то смотря иным неповадно было так делать. А татем бы и розбойником, ни где пристанища не было».

В Артикуле воинском Петра I 1715 г. интересующие нас положения содержались в гл. 24 «О утаении и увозе злодеев» [3]. Примечательно, что в документе сформулировано понятие укрывательства. В частности, артикул 206 определял: «Никто б ни вышняго, ниже нижняго чина никаким образом не дерзал никого из неприятелей, изменника какаго, или злодея утаить, или под каким видом уводить, дабы от заслужанного наказания онаго освободить, под необходимою смертною казнию».

В артикуле 190 устанавливалась наказуемость укрывательства предметов, добытых преступным путем: «Ежели кто купит или продаст, ведаючи краденяя вещи, и скроет, и содержит при себе вора, оный, яко вор сам, наказан быть имеет». Здесь же особо выделялось такое преступление, как укрывательство вора. Можно констатировать, что этот артикул в названной части являлся специальной нормой по отношению к артикулу 206.

Содержал документ и нормы, предусматривающие ответственность за недонесение о преступлении. Проиллюстрируем этот вывод обращением к двум артикулам. В частности, артикул 5 гласил: «Ежели кто слышит таковое хуление <имеется в виду произнесение ругательных слов в адрес "Пресвятой Матери Божией Девы Марии">, и в принадлежащем месте благовременно извету не подаст, оный имеет по состоянию дела, яко причастник богохуления, живота или своих

пожитков лишен быть». Артикул 136 устанавливал наказание за недонесение за подстрекательство к бунту и возмущению: «Таким же образом <смертной казнью или телесными наказаниями> имеют быть наказаны и те, которые такие слова слышали или таковыя письма читали, в которых о бунте и возмущении упомянуто, а в надлежащем месте или офицерам своим вскоре не донесли».

Более обширную систему видов прикосновенности к преступлению предусматривало Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. В нем речь шла не только о недонесении о преступлениях и укрывательстве таковых, но и о попустительстве им. Причем в данном уголовном кодексе, впервые разделенном на Общую и Особенную части, положения о прикосновенности к преступлению содержались в обеих. В первой – в отделении третьем «О участии в преступлении» гл. 1 «О существе преступлений и проступков и о степенях вины» раздела первого «О преступлениях, проступках и наказаниях вообще». В ст. 16 и 17 прикосновенными к преступлению признавали попустителей, то есть тех, «которые, имея власть или возможность предупредить преступление, с намерением или, по крайней мере, заведомо допустили содеяние оного»; укрывателей – тех, «которые, не имея никакого участия в самом содеянии преступления, только по совершении уже оного заведомо участвовали в сокрытии или истреблении следов его, или же в сокрытии самих преступников, или также заведомо взяли к себе или на сбережение, или же передали или продали другим похищенные или отнятые у кого-либо или же иным противозаконным образом добытые вещи»; недонесителей – тех, «которые, зная о умышленном или уже содеянном преступлении и имея возможность довести о том до сведения правительства, не исполнили сей обязанности».

В Особенной части содержались нормы об ответственности за прикосновенность к тем или иным конкретным преступным посягательствам. Иллюстрацией может служить, например, попустительство и укрывательство «злоумышления или преступного действия против священной особы государя императора», а также недонесение о них (ст. 265); укрывательство и недонесение о «злоумышлении или преступном действии против жизни, здоровья, свободы, чести и высочайших прав наследника престола, или супруги государя императора, или прочих членов императорского дома» (ст. 266) [4, с. 45–47].

Период действия Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. характеризуется и развитием теоретических подходов к пониманию прикосновенности к преступлению и ее видов. Следует заметить, что в доктрине уголовного права также выделялись три разновидности прикосновенности – укрывательство преступления, недонесение о нем и попустительство ему.

Определяя укрывательство и его отличие от соучастия, В.М. Шимановский отмечал: «По закону укрыватели – это те, которые, не имея никакого участия в самом содеянии преступлении, только по совершении уже оного заведомо участвовали в сокрытии или истреблении следов его, или же в сокрытии самих преступников, или также заведомо взяли к себе или приняли на сбережение, или же передали, или продали другим похищенные или отнятые у кого-либо, или же иным противозаконным образом добытые вещи» [5, с. 591].

Особым видом укрывательства признавалось пристанодержательство. Оно предполагало «заведомое дозволение лицам, принадлежащим к злонамеренной шайке, жить в домах или иных каких-либо местах, хотя бы и временно, останавливаться или укрываться в домах или иных каких-либо местах, занимаемых так называемым пристанодержателями или состоящими в их управлении, или же под их присмотром» [6, с. 460]. В литературе подчеркивалось, что если будет доказано, что согласие укрывать преступников и их сообщников изъяслялось предварительно (то есть до совершения правонарушения), то пристанодержатели приговариваются к наказанию, предусмотренному для основателей и членов шайки. Другими словами, они должны быть приравнены к участникам преступления [7, с. 460].

Л.С. Белогриц-Котляревский выделял три разновидности укрывательства: 1) сокрытие преступника; 2) уничтожение следов преступления; 3) сокрытие вещей, добытых преступлением. При этом самой опасной считалась третья форма, поскольку такое проявление укрывательства окрашено корыстью, тогда как две первые могли совершаться и по альтруистическим мотивам – из чувства родства, дружбы или сострадания к виновному [8, с. 225–226].

Определяя природу прикосновенности, А.Ф. Кистяковский писал, что «прикосновенные к преступлению лица стоят лишь близ него, тогда как участвующие находятся внутри; первые лишь касаются главного преступления, вторые совершенно объемлют его; вернее, сами объемлются им» [9, с. 609]. Среди видов прикосновенности автор, следуя закону, выделял укрывательство, недонесение и попустительство.

Определяя сущность укрывательства, А.Ф. Кистяковский писал, что она заключается в заведомом и умышленном содействии преступнику, чтобы он мог укрыться от правосудия и избежать заслуженного наказания, а также в заведомом и умышленном сокрытии следов правонару-

шения и вещей, добытых преступным способом. «Таким образом, – указывал автор, – центр виновности его, в субъективном отношении, лежит в сочувствии, с вредом для общества, преступнику, в объективном – в противодействии нормальному ходу уголовного правосудия» [10, с. 610].

Попустительство рассматривалось как «неупотребление известных средств к воспрепятствованию того, что готовится совершиться, или уже совершающегося преступления». Следовательно, оно состоит не в положительном действии, а в отрицательном, или в бездействии [11, с. 614]. Интересно, что одной из разновидностей попустительства А.Ф. Кистяковский считал недонесение о преступлении.

Н.С. Таганцев говорил о четырех разновидностях «типов прикосновенных». По «характеристическим свойствам деятельности» он выделял следующие группы: 1) попустители и недоносители о готовящемся преступном деянии; 2) укрыватели преступника и преступления; 3) воспользовавшиеся плодами преступного деяния; 4) не донесшие о совершившемся преступном деянии [12, с. 626]. Таким образом, к попустительству автор относил недонесение только о готовящемся преступлении. Недонесение о совершенном правонарушении представляло самостоятельную разновидность прикосновенности. Стоит выделить еще одну особенность позиции Н.С. Таганцева: в отдельную группу прикосновенных лиц он выделял тех, кто воспользовался плодами преступной деятельности, зная об их противоправном происхождении. Остальные исследователи причисляли этих людей к общей группе укрывателей.

Недонесение о преступлении трактовалось в качестве специальной формы невмешательства. Во-первых, как незаявление о готовящемся преступлении тому лицу, против которого оно было задумано (в советский и современный периоды такого толкования недонесения не существует). Во-вторых, как несообщение соответствующей информации правительству, точнее, органу власти, компетентному в принятии предупредительных мер или в наказании преступника, если деяние уже совершено (такой подход свойствен уголовно-правовой доктрине советского и современного этапов) [13, с. 627].

Таким образом, к концу XIX в. в российском законодательстве сложился цельный институт прикосновенности к преступлению, а в отечественной уголовно-правовой доктрине – его вполне завершенное теоретическое обоснование, заложившее прочные основы дальнейшего исследования данной категории.

Ссылки:

1. См.: Кустова Н.К. Прикосновенность к преступлению в российском уголовном законодательстве: исторические аспекты // Научный вестник Южного федерального округа. 2015. № 2. С. 44–45.
2. Псковская судная грамота // Сборник нормативных актов по уголовному праву России X–XX вв. / сост. Ю.И. Бытко, С.Ю. Бытко. Саратов, 2006. С. 65–91.
3. См.: Артикул Воинский 1715 г. // Там же.
4. См. подробнее: Кустова Н.К. Указ. соч. С. 45–47.
5. Шимановский В.М. Преступные деяния по Уложению о наказаниях уголовных и исправительных и Уставу о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Одесса, 1910. С. 591. (Репринтное издание).
6. См.: Шимановский В.М. Указ. соч. С. 460.
7. Там же.
8. См.: Белогриц-Котляревский Л.С. Учебник русского уголовного права. Общая и Особенная части. Киев ; Петербург ; Харьков, 1903. С. 225–226. (Репринтное издание).
9. См.: Кистяковский А.Ф. Элементарный учебник общего уголовного права съ подробнымъ изложениемъ началъ русскаго уголовного законодательства. Часть Общая. Второе исправленное и значительно дополненное издание. Киев, 1882. С. 609.
10. Там же. С. 610.
11. Там же. С. 614.
12. Таганцев Н.С. Русское уголовное право: лекции. Часть Общая. Т. I. Тула, 2001. С. 626.
13. Там же. С. 627.

References:

- Bitko, YI & Bitko, SY (comps.) 2006, 'Pskov Judicial Charter', *Sbornik normativnykh aktov po ugovolnomu pravu Rossii X–XX vv.*, Saratov, pp. 65-91, (in Russian).
- Belogrits-Kotlyarevsky, LS 1903, *Manual of russkago ugovolnago law. General and Special parts*, Kiev, Peterburg, Harkov, pp. 225-226. (Reprint).
- Kistyakovsky, AF 1882, *Elementary textbook dorm criminal law detailing nachal Russian criminal law. Part of the total. The second revised and significantly expanded edition*, Kyiv, p. 609.
- Kustova, NK 2015, 'The implication in the crime in the Russian criminal law: historical aspects', *Nauchnyy vestnik Yuzhnogo federal'nogo okruga*, no. 2, pp. 44-45, (in Russian).
- Szymanowski, VM 1910, *Criminal acts on the Penal Code and Criminal Corrections and the Charter of the penalties imposed by magistrates*, Odessa, p. 591, (Reprint) , (in Russian).
- Tagantsev, NS 2001, *Russian criminal law lectures. Part of the total*, vol. I, Tula, p. 626, (in Russian).